

Париж, винный аукцион

Осень незаметно прокралась в город. Глоток за глотком, смакуя, выпила до дна янтарное летнее тепло с парижских улиц, и воздух зазвенел, как опустевший хрустальный бокал, и слегка помутнел. Стало прохладно и сыро, прошел день, другой, и, наконец, хрусталь был обильно промыт дождем, после чего на Париж опустился густой туман. Приближался ноябрь.

Плохая погода огорчала туристов. Дожди и туманы затрудняли осмотр парижских достопримечательностей, да и холод был неприятен во время долгих прогулок по городу. Париж все ежился и хмурился под морозящим дождем и был не очень-то приветлив к своим гостям. Его тоже хотелось выпить до дна, этот город-праздник, до полного опьянения, весь, включая затерянные улочки и старинные особняки, у каждого из которых есть древняя история. И вернуться уже не за новыми ощущениями, а за собственной историей любви и грусти, потому что расставание неизбежно. Праздник не

может продолжаться вечно, иначе он перестанет опьянять, и какой же тогда в нем смысл? В общем, стояла глубокая осень, время печали. Приближался ноябрь...

Но зато светская жизнь в Париже бурлила. Из последних событий внимание всех привлек винный аукцион, который должен был состояться в конце недели. Слухи ходили разные. На торги выставилась принадлежащая городу коллекция из пяти тысяч бутылок! И какого вина! Ее собрали в период с 1977 по 1995 год, когда мэром французской столицы был Жак Ширак. Он лично руководил закупками эксклюзивных вин, которые обычно подаются к столу на торжественных приемах для особо важных гостей, и, говорят, знал в этом толк.

Содержание в порядке винотеки — удовольствие дорогое. Никакое другое творение рук человеческих с помощью Божьей, солнца и земли не является столь же деликатным продуктом, как вино. Разлитое по бутылкам, оно может сохранить тонкий букет и аромат на долгие годы, если будут созданы надлежащие условия хранения. Вино не переносит света и тепла, а также переключивания тары, в которой оно находится, с места на место. От света портится благородный цвет напитка, от тепла портится его вкус, от тряски появляется осадок. Знатоки съезжаются на винные аукционы прямо к месту хранения эксклюзивных вин, в старинные замки с прохладными погребами, дабы не потревожить благо-

родный напиток перевозкой. Поэтому ревизоры и приняли решение избавиться от парижской коллекции, пока она не пришла в полную негодность. Да не просто избавиться, а с большой выгодой.

Год назад так же ушла с молотка коллекция вин экс-президента страны Франсуа Миттерана. В ней насчитывалось пятьдесят бутылок вина, многие из которых были ценными подарками главе государства. На аукционе некоторые вина уходили по цене в двадцать раз выше стартовой! К примеру, за бутылку арманьяка, разлитого в 1982 году самим Миттераном, неизвестный выложил почти две тысячи долларов. Поэтому коллекцию из пяти тысяч бутылок город рассчитывал продать не менее чем за миллион евро. Аукцион должен был продлиться два дня.

Что же касается слухов... Коллекционеры все равно что безумцы, ради редчайшего экземпляра готовы на все. И две тысячи долларов за бутылку далеко не предел. Есть ведь так называемые вина «с историей». Подаренные знаменитости знаменитостью. Или те, что собирались выпить по торжественному случаю лица, известные всему миру, но этого по какой-либо причине не случилось. Еще дороже вино, когда история его, или причина, замешана на крови. К примеру, на убийстве из ревности или ограблении. Единственная бутылка в мире, уникальный экземпляр! Раритет! Эксклюзив! Понятно, что это вино никто

и не собирается пить. Оно — жемчужина коллекции, ее гордость, украшение и стоит сумасшедших денег.

Так вот, что касается слухов... Существовала история, в которую мало кто верил. И бутылка вина, которую никто никогда не видел. Но все о ней слышали. И, по слухам, она осела именно в парижской коллекции и будет на днях выставляться на торги. Поэтому сюда и съехались знатоки вин со всего мира, известные коллекционеры, владельцы многотомных, читай, многолитровых винотек, уникальных экземпляров. Многие американцы, азиаты, а также русские с середины девяностых годов прошлого века принимали все более активное участие в аукционах, касалось ли это драгоценностей, картин или антиквариата. Теперь дело дошло и до коллекционных вин. Это быстро вошло в моду и в России. Теперь каждый уважающий себя русский мультимиллионер имел нерядовое собрание вин, а в нем одну-другую бутылочку немалой стоимости, которую не зазорно было распить по особому случаю либо подарить чиновному лицу, чей вердикт был решающим в принятии важных проектов. Дорогое французское вино стало непременным атрибутом богатой жизни, вопиющей роскоши и элитарности. О нем много говорили, охотно писали, а дегустации собирали публику с туго набитыми кошельками.

Русских теперь опасались все, ведь именно они стали королями аукционов. Воз-

никло ощущение, что карманы у них бездонные, а возможностям нет предела. Конкурировать с ними было трудно. Иностранцы и сейчас пребывали в унынии, вид у русских всегда решительный. В России давно уже появились винные клубы, сообщества любителей этого изысканного напитка, заядлых коллекционеров, обменивающихся раритетами или же тайно продающих их друг другу за огромные деньги.

Надежда у иностранцев была одна: вина много, хватит на всех. Пять тысяч бутылок — это не пятьдесят. Американцы, которые раньше правили бал на винных аукционах, оживленно что-то обсуждали, косясь на конкурентов из России, отчаянно жестикулировали, громко смеялись, в общем, вели себя нагло и шумно. Мы, мол, вас не боимся! Мы пришли сюда раньше и купим все самое лучшее! Азиаты сосредоточенно изучали заявленные лоты, ожидая начала торгов. Из серьезных игроков на Парижском аукционе присутствовали пятеро русских. Все — люди известные, состоятельные, владельцы самых солидных в России винных коллекций, приблизительная стоимость каждой была от полумиллиона евро. И все они прекрасно друг друга знали. Четверо мужчин и одна женщина. Поздоровались, обменялись любезностями, посмотришь — лучшие друзья.

На самом деле все они были соперниками и втайне друг друга ненавидели. У истинного коллекционера друзей нет. Его лучшие

друзья уютно устроились в специальных шкафах, если он помешан на вине. Ждут своего часа. Момента, когда освобожденному из бутылки багряному цветку представится возможность раскрыться в бокале из тонкого стекла, оставив на его стенках маслянистые прозрачные лепестки и явив миру изысканный аромат. Слышит голоса своих любимцев только хозяин, он же их преданный слуга, отважный защитник. Чем дальше, тем больше. Сначала коллекция отбирает деньги, потом время, а потом и время, и деньги, превращаясь в навязчивую идею. Мысль о том, что у кого-то есть то, чего нет у тебя, невыносима. Желание только одно: «Хочу это заполучить».

«Я это хочу», — думали пятеро в ожидании начала торгов. И все они мечтали при этом о той самой, заветной бутылке вина. Неужели она существует?! Среди лотов, заявленных на аукционе, «Мутон-Ротшильд» 1949 года не значился. На слух так, ничего особенного, огромных денег не стоит и предынфарктным состоянием в случае потери не грозит. Если бы не его уникальная история...

... — Дамы и господа! Лот номер двадцать два! «Шато Мутон-Ротшильд» миллезима 2000 года! Стартовая цена одна тысяча евро!

- Одна сто.
- Одна тысяча пятьсот.
- Одна восемьсот...
- Две тысячи...

...

— Продано!

— Лот номер пятьдесят...

...Аукцион подходил к концу. Большинство коллекционеров, приехавших сюда, ждало разочарование. Практически все лучшие вина парижской коллекции скупил господин лет сорока — сорока пяти, в отличном итальянском костюме и с изысканными манерами, невозмутимо называющий запределные цифры за эксклюзивные лоты. У него были темные волосы, густые брови, глубокие карие глаза, нос с горбинкой и смуглая кожа, тем не менее американцы переглядывались и пожимали плечами:

— Наверняка русский.

А в конце аукциона:

— Сумасшедший русский!

По их подсчетам, невозмутимый господин потратил на эксклюзивное вино чуть ли не триста тысяч евро, скупив добрую часть всей Парижской коллекции!

— Дмитрий, может быть, ты остановишься, наконец, — кисло сказала по-русски сидящая рядом с ним женщина средних лет в платье с глубоким декольте, где сверкали великолепные бриллианты эксклюзивного колье.

Что ей, впрочем, не шло, она была на редкость некрасива. Черты лица резкие, нос короткий, да еще и вздернутый, брови и ресницы редкие, а подбородок слишком уж крутой, такие еще называют «волевой».

Высокая вечерняя прическа даму совсем не красила, да и сверкающие серьги-каскады казались приставленными от другого лица, аристократического. Длинные серьги при короткой шее — это катастрофа. Тем не менее женщина привлекала всеобщее внимание. Что-то такое в ней было.

— Я сегодня в ударе, — отмахнулся смуглый брюнет.

— Оставь что-нибудь и мне.

— Ты еще не бросила пить?

— Представь себе, нет! — резко ответила дама. — Только вошла во вкус! Я хочу бутылочку этого вина!

— «Шато Шеваль-Бланк» миллезима 1989 года, стартовая цена одна тысяча евро! На торги выставляется пять бутылок! — объявил ведущий аукциона.

— Этого добра здесь хоть отбавляй! — улыбнулся брюнет. — Пожалуйста, царственная Елизавет Петровна, бери! Меня это не интересует.

— Одна тысяча двести...

Но как только на торги было выставлено очередное эксклюзивное вино, смуглый брюнет тут же дал такую цену, что все остальные отступились.

— Это же откровенное свинство! — сказал сидящий за его спиной соотечественник. — Воронов хочет нас наказать на билет до Парижа и обратно плюс стоимость отеля! Зря, мол, приперлись!

— Да ладно вам приbedняться, Ваня, — пропел пожилой господин солидной ком-

плекции, характерно картавя. — Вы летаете на собственном самолете. Вам вовсе не надо тратиться на билеты.

«Тратиться». Еле слышный вздох. Тратиться всегда неприятно. Господин страдал одышкой и то и дело вытирал обильный пот со лба, несмотря на то, что в зале поддерживался комфортный климат. Народу было много, да и накал страстей оказался высок.

— А бензин? — хмыкнул Ваня.

— На бензин я тебе дам, — обернувшись, оскалился Воронов.

— Огромное тебе, Дима, спасибо!

— Так и быть, подам на бедность Ивану Таранову. Небось, за президентские апартаменты в отеле последние деньги отдал?

— Маленько еще осталось.

— Скромнее надо быть, Таранов, тогда и на бензин у друзей стрелять не придется. Я знаю, чего вы все жметесь. Ждете ее. А если ее не существует? Торги-то заканчиваются! И лот не заявлен! Так откуда?

— Не заявлен, значит, не заявлен, — наконец, подал голос и пятый король коллекционного вина, хранящегося в прохладных и необъятных российских погребах.

Ничем не примечательная внешность, такой же безликий серый костюм, стального цвета глаза, темно-русые редкие волосы, средний рост, среднего телосложения. Федор Иванович Сивко. Скромный человек нескромных возможностей, которые он не спешил реализовывать. И на этом аукционе тоже.

— И последний лот, господа! Наше лучшее вино! Сотерн! «Шато д'Икем»! Вашему вниманию!

Русские переглянулись и разочарованно выдохнули. Неужели все?

— Зря деньги сэкономили, господа коллекционеры, — усмехнулся брюнет. — Можете теперь потратить их любимым женам на подарки. А Елизавета Петровна на себя, поскольку в данный момент не замужем.

Дама с бриллиантовыми серьгами-каскадами в оттопыренных ушах бросила на него злой взгляд и поджала губы.

— У меня в паспорте вроде бы штампа о браке нет, — усмехнулся Иван Таранов.

— Зачем тебе жениться, если у тебя гарем? Тебя, Таранов, непременно посадят за многоженство. И на подарках длинноногим красоткам разоришься. Слушай, продай мне свою коллекцию, а? У тебя другая страсть, ты в коллекционное вино просто деньги вкладываешь.

— Я подумаю. Стоимость-то моей винотеки с каждым годом растет. Годика два подумаю, а потом поговорим.

— Вы и обо мне тогда не забудьте, Ваня, — тонко улыбнулся пожилой господин.

— Ни в коем случае, Лев Абрамович! — Коллекционеры переглянулись: а протянешь ты годика два-то? Все они знали, что Лев Абрамович серьезно болен.

— Ну что, господа? — встрепенулся Сивко. — Расходимся, пожалуй?

— Неудачный день, — пожевал губами Лев Абрамович и нервно затеребил манжету. — Крайне неудачный.

— Торги закончены!

— Ну, вот и все! Какой удачный день! — Смуглый брюнет с улыбкой встал.

Американцы шли к выходу, косясь на «сумасшедшего русского». Попробуй-ка, потягайся с таким! А русский не спешил уходить. «Не может быть, что все вот так закончится. Не может этого быть», — думал он и медлил. Но события не развивались вплоть до того момента, когда он подошел к своей машине. И тут его негромко окликнули:

— Месье!

Дмитрий Воронов резко обернулся. Молодой человек в смокинге и при бабочке подошел к нему и вежливо сказал:

— Я думаю, месье, что вам это будет интересно. Вы так активно участвовали сегодня в торгах...

Воронов плохо говорил по-французски, но понимал почти все. Главное он понял: вот и начинается все самое интересное.

— Я вас внимательно слушаю.

— Месье говорит по-английски?

— Конечно!

— Через час состоятся закрытые торги, — на отличном английском сказал неизвестный. — Для очень узкого круга. На них выставляется всего одна бутылка вина.

— «Мутон-Ротшильд» 1949 года?

— Да.

— Значит, это правда? Она существует?

